

Александр Йорген
ВОРОНЦОВ

У СМЕРТИ ОТТЕНКОВ НЕТ

18+

Александр Воронцов

У смерти оттенков нет

«Автор»

2020

Воронцов А.

У смерти оттенков нет / А. Воронцов — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-99845-2

Первый бой у Гали был самым страшным. Их Т-64 выскочил на мост, который им поручили охранять, как раз в тот момент, когда на него уже выезжал украинский танк. Просто мост стоял на пригорке, и не было видно, что там, на «той» стороне. Вот и встретились – лоб в лоб. И гореть бы Галиному танку, как свечка – ведь укровская машина уже наводила свое орудие, но тут из-под моста выскочил какой-то отчаянный парнишка и с ходу шмальнул из РПГ-шки в борт украинцам. Тот аж подпрыгнул на месте, из пушки и командирского люка вырвались столбы дыма, а потом прямо из башни вверх ударила мощная струя пламени. Через секунду пламя забило изо всех щелей. Еще через несколько секунд стальная махина пылала...

ISBN 978-5-532-99845-2

© Воронцов А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Галя	6
Иван	7
Дети	9
Политика	11
Майдан	12
Война	14
Сопrotивление	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Воронцов

У смерти оттенков нет

*Многие события, описанные в книге, произошли на самом деле.
Многие люди, описанные в книге, жили и живут на самом деле.
И погибли тоже на самом деле...*

Галя

Галя была невезучей. Вся ее жизнь была этому доказательством. Была она поздним ребенком и, хотя кроме нее других детей в семье не было, ее никто не баловал. Не было в семье особого достатка, несмотря на то, что в советские времена шахтеры хорошо зарабатывали. Отец постоянно пропадал или на работе, или выпивал с мужиками – такими же шахтерами, как и он сам. Вот и не задерживались деньги в семейном бюджете. Что поделать – работа у папы была опасная, нервная, надо было как-то восстанавливаться после нее, так сказать, сглаживать стрессы...

Поэтому Галя, хоть и была красивой девочкой, но слыла дурнушкой. Она не могла нормально одеться, потому что банально не было денег. Из дому никуда не выходила, редко гуляла. Да и куда в поселке Юбилейный ходить? Ну, разве что в местный клуб – если привезут кино. А кино привозили не часто. Да и в чем пойти? Старом-престаром застиранном платье? Или в школьной форме коричневого цвета? Про косметику вообще и речи не было – ни духов, ни самой простенькой губной помады у Гали просто не было. Однажды она взяла без спросу у матери ее духи «Красная Москва» – подушитесь на выпускной. Так мать ей устроила такую взбучку, что девочка неделю не выходила из дому – на ногах остались красные полосы от ремня.

Мама Гали была алкоголичкой. То есть, не то, чтобы совсем – ну, выпивала она, как все жены шахтеров в поселке. Но какой же это алкоголизм? Пару стопарей для сугреву души – это ж разве зазорно? Наоборот – пользительно для организма. Вот только «согревалась» Галина мама слишком уж часто...

В общем, особых радостей в жизни Галя так и не видала. К тому же девочка рано осталась без родителей – ее отец однажды не вернулся домой после смены. Такое бывало довольно часто среди ворошиловградских шахтеров. Потому что на местных шахтах были сконцентрированы массивные запасы угля газовой группы. Ну и выход метана в забое происходил регулярно. А там, где метан, там угроза взрыва...

Датчиков метана тогда еще не было – оборудование шахты «Ворошиловградская №1» давно устарело. Ее строительство было начато еще в 1955 году, в начале 60-х шахтные стволы были поставлены на мокрую консервацию и только в 1975 году состоялась расконсервация и пуск шахты. Но от того, что шахта была долгое время не работала, безопаснее она не стала.

В тот день отец как бы предчувствовал что-то – утром, уходя в забой, поцеловал спящую дочь, что делал крайне редко. Галя проснулась от того, что на щеку ей капнула слеза. И долго потом смотрела на закрывшуюся за отцом дверь...

Выжившие позже рассказали, что сначала шахту сотряс сильный удар, а через несколько мгновений раздался взрыв и потянуло гарью.

Очевидно, угольная пыль, выброшенная при разрушении пласта, перемешалась с метаном и воздухом, в результате чего образовалась «гремучая смесь»... Хоронить было практически некого.

Точнее, нечего...

От шахтоуправления были гробы и венки, еще – оплатили похороны, выплатили небольшое пособие... И все! Шел конец 80-х, страну лихорадило, шахты то закрывались, то открывались, зарплаты не выплачивались шахтерам месяцами... Шахтеры бастовали, ездили в Киев, стучали касками по асфальту... А толку? На Донбассе начался разгул криминала...

Иван

Но тут у Гали внезапно, как говорится, возник лучик света в темном царстве. Им оказался Иван – хлопец из Ивано-Франковска. Познакомилась она с ним банально просто – приехала в Киев вместе с представителями шахт Ворошиловградской области, которые везли в столицу СССР требования шахтерских забастовочных комитетов. Ну и, улучшив момент, решила прогуляться по Киеву – когда еще будет такая возможность?

Иван приехал в Киев совсем по другому поводу – искать работу. На Западной Украине работы не было. Разве что ехать в соседнюю Польшу на заработки. Но это было делом рискованным – границы СССР были на замке, нелегально выехать в Польшу было очень тяжело, так как после выступлений «Солидарности» поляки из друзей очень быстро превращались во врагов. Поэтому, если раньше можно было, то сейчас стало низзя. Вот и подался Иван в столицу...

Как говорится, не было счастья, да несчастье помогло. Иван и Галя познакомились, а уже через два месяца сыграли свадьбу. Работу в Киеве Иван так и не нашел. И поехал попытаться счастья вместе с молодой женой в Ворошиловград. Как это не удивительно, работу он нашел быстро. Правда, не совсем легальную, но хорошо оплачиваемую. Высокий мускулистый парень, хоть и не имел нужной, так сказать, шахтерской специальностью, но силой его Бог не обидел, а в шахте попервах большего и не нужно.

Ну, не совсем в шахтах...

На Донбассе уголь добывают не только под землей – есть угольные пласты, которые выходят практически на поверхность. При Советском Союзе их не разрабатывали. Причин было несколько. Первая – такой уголь из открытых пластов имеет низкое качество. Потому что в нем много примесей других пород.

Ну вот, например, есть такое понятие – зольность угля. Зольность – это грубо говоря, количество породы, содержащееся в отгружаемом угле. Она получается по различным причинам. Чаще всего – и это как раз случай открытой добычи – это когда не очень хороший пласт, когда уголь перемежается прослойками породы. Или, когда разрабатывается не очень мощный пласт. По технологии, высота угольного пласта для нормальной работы добычного комплекса должна составлять один метр двадцать сантиметров. Если пласт тоньше, то угольный комбайн подрубывает ещё и другую горную породу, которая повышает общую зольность угля.

Поэтому, когда идет добыча открытым способом, то есть, в карьере, то такой уголь извлекают вместе с пустыми породами, которые называются вскрышными, или вскрышей. Причем, в значительных объемах. Такой уголь применяется далеко не везде, например, он непригоден для коксования, чаще всего он идет для ТЭЦ. И только высокий уровень комплексной механизации и автоматизации горных работ, а также более безопасные и комфортные условия труда уменьшали капитальные затраты. Ну и обеспечивали высокую производительность труда.

Но есть и второе «но». Открытый способ добычи зависит от климатических условий региона, а также часто приводит к нарушению водного баланса недр. Если говорить проще, то горбит земельные угодья. Поэтому при открытых разработках всегда требуется временное отчуждение значительных площадей земли.

При СССР к этому относились очень серьезно, то есть – бережно относились к земле. Не гробили ее, следили за недрами. Но Советский Союз внезапно кончился... И понеслась п... по кочкам!

Внезапно многие шахты на Донбассе оказались убыточными. На самом деле это было не так – просто там образовалась своя угольная мафия. И деньги, которые государство выделяла на угольную отрасль, эта мафия стала класть себе в карман. Это если коротко.

А если подробно...

Главная причина – многие шахты были убыточными потому, что не разрабатывали новые лавы. Вернее, их только начинали разрабатывать, а не выработывать. То есть – капитальные выработки построены, но угольные пласты не тронуты. Потому что это – стратегические запасы. И такая плано-убыточная шахта в течение очень короткого времени из убыточной станет супер-прибыльной. Достаточно просто начать выработку этих ранее разработанных, но временно законсервированных пластов.

Так вот, когда государство перестало дотировать убыточные шахты, точнее, когда государство перестало существовать, люди, которые в Украине стали называться государством, стали разворовывать то, что десятилетиями было накоплено. В том числе, и стратегические запасы угля. А чтобы легче было воровать, запустили не просто открытую добычу угля там, где ее раньше никогда не было – они поставили этот процесс на поток.

Вот тогда и расцвели «копанки»...

Все было просто – низкокачественный уголь примешивался к высококачественному, зольность искусственно – на бумаге – повышалась, государству шел этот низкосортный уголь, а высококачественный антрацит шел «налево». Были и более сложные схемы, но эффект оставался один – страну грабили, грабили нагло и тупо...

Но Ивана это не касалось. Хотя он считал себя патриотом Украины, но даже не понимал, что своими руками уничтожает свою же страну. Ему дали работу, эта работа неплохо оплачивалась, поэтому, как говорится, бери больше – кидай дальше. Руби уголек, отгружай его хозяину, получай зарплату.

Чего еще надо? Особенно, когда настали тяжелые времена...

Людей в «копанке» работало немного. Из оборудования – мотоцикл со снятым задним колесом и надетым на него деревянным барабаном с обрывком каната. Этот мотоцикл тягал туда-сюда железное корыто, в которое грузили добытый из копанки уголь. Уголь рубили дедовским способом – кайлом, как двести лет назад. Зарплата у «шахтёров» была по прежним меркам не очень большой, но платили наличкой и без задержек. И никаких отчислений, и никаких налогов. Можно было жить и кормить семью.

Дети

Как раз в тот год, когда умер Советский Союз, в 1991-м, у Гали с Иваном родились сразу два сына. Близнецы. Родители назвали их Сергей и... Сергей. Ну вот так вышло. Иван хотел одного сына назвать Иваном, а Галя была против – мол, есть уже Иван в семье, пусть будет Сергей. Тогда Иван психанул. Раз, говорит, не хочешь, чтобы было два Ивана, то пусть будет два Сергея. Ты своего назвала Сергеем – и я своего назову Сергеем.

Вот так и появились Сергей и Сергей Ермиловы в поселке Юбилейный. И хотя братьев звали одинаково, тем не менее, близнецов прекрасно различали не только папа с мамой, но и все окружающие. Дело в том, что они были одинаковые, но все же... разные. Один был рыжим, как и мать, а второй – чернявым, как отец. Иван смеялся: «Боженька МОЕГО Сергеу пометил...»

Ребятя быстро крестила рыжего Сергея Рыжим, а вот чернявого все так и звали Серым – по имени. Так и повелось у Ермиловых – Рыжий и Серый. Братья не обижались на клички – Рыжий так Рыжий, Серый – так Серый. Но вот любые другие обидные прозвища пресекали с лету. Причем, горой стояли друг за друга – тронешь одного, сразу вступится второй. Были эти два Сергея, как единое целое. Прямо как Змей Горыныч о двух головах. И никогда братья не ходили порознь – всегда были вместе. Везде и во всем. Они были как единое целое, всегда – единодушны, всегда – заодно. И в шалостях, и в спорте, и в школе. Доходило до смешного – если «двойку» схлопотал один Сергей, то тут же «пару» получал и второй. Ну, а если один заслужил «пятерку», то делал все, чтобы и брата отметили так же.

Вот только после окончания школы неразлучные братья все же разлучились. Рыжий Сергей после школы решил поступать в Восточноукраинский национальный университет имени Владимира Даля, который располагался в Луганске, на исторический факультет. Его всегда интересовали книги, и в отличие от своего брата, Сергея Серого Рыжий предпочитал прочитать новую книжку, нежели погонять с пацанами в футбик.

А вот Серый больше интересовался спортом и на этом поприще преуспел – уже в 14 лет стал кандидатом в мастера спорта по самбо, потом переключился на боевое самбо и рукопашный бой, где очень скоро стал сначала чемпионом Луганска, а потом и чемпионом Украины в своей категории. Так что после школы Сергей Ермилов какое-то время еще выступал на различных соревнованиях, а потом отправился служить в армию. И не куда-нибудь, а в спецподразделение Центра специальных операций СБУ – бывшую «Альфу». Точнее, не в саму группу антитеррора, в воинскую часть, где служили срочную военную службу, имевшие спортивную или специальную подготовку. И пройдя курс молодого бойца, а потом отучившись в школе младшего состава получил должность инструктора по рукопашному бою. И даже потом остался служить на контрактной основе – все-таки, зарплата была нормальная, паек, форма, какие-то льготы...

Оба брата, тем не менее, постоянно держали связь друг с другом – по мобильному созванивались постоянно, зависали в Фейсбуке, комментировали друг друга, постоянно переговаривались по скайпу – благо, технологии XXI века позволяли сокращать любые расстояния. Даже когда Серого перевели в Киев, он все равно регулярно связывался с Рыжим. Ну и с мамой ребята не забывали общаться. А вот с отцом связь как-то постепенно угасла...

Потому что Иван все больше был на работе. А потом у него появились и другие дела...

Так и пролетело незаметно двадцать лет. Иван и Галя уже были немолоды, годы брали свое. Тем более, что работа в «копанке» здоровья главе семьи не добавляла – уже и колени «крутило», и спину ломило... Галя Ермилова работала на ферме местного совхоза дояркой. И хотя труд у нее тоже был нелегким, но все же свежий воздух, здоровые продукты, да и мама с папой, видимо, постарались – Галя и после сорока была женщиной в самом соку. Неуди-

вительно, что, когда сыновьям уже было по двадцать, родился у Ермиловых еще один сын – Ванечка. Здесь уж Галя решила мужу угодить во всем. Вот и появился в семье еще один Иван.

Ваня был поздним ребенком, как говорят – последыш. Поэтому родители в нем души не чаяли. Если Иван Ермилов своих старших сыновей не баловал, а, бывало, и за ремень брался, то на Ванечку он даже никогда голос не повышал. Хотя тот уже в четыре года был таким сорванцом – куда там обоим Сергеем! Те в малолетстве особо не бузили, тихонько себе играли во дворе, даже на улицу особо не рвались. А этот – егоза – так и норовил из двора на улицу вышмыгнуть! Однажды просто вышел за калитку и... исчез! Хорошо, мать вовремя хватилась – вышла из хаты, а сыночка и след простыл. Кинулась по соседям – никто ничего не видел. Пробежалась по хатам на соседнюю улицу – кто-то вспомнил, что видел мальчика недавно...

Одним словом, через полчаса только пострел нашелся! Прошел полпоселка и забрел в цыганский табор. Хорошо, что местный барон сразу мальчика к себе забрал, усадил за стол, дал сладостей, а своих цыганчат послал в поселок искать родителей. И даже после такого «путешествия» Ванечку родители не ругали. Сами виноваты – не приглядели за ребенком!...

Политика

2012 год был для семьи Ермиловых не самым удачным. У Ивана не стало работы – местные власти таки закрыли его «копанку». Он перебивался случайными заработками, а когда человек находится долгое время без дела, то дело находит его. Так и Ермилов-старший – стал увлекаться политикой, ходить на митинги, дебатировать с местными мужиками... Потом политика эта стала приносить и деньги – Иван то и дело ездил то в Луганск, в который обратно переименовали Ворошиловград, то в Донецк, а то и в Киев. Разные политические партии то и дело собирали целые автобусы «активистов» на разные митинги, платили за стояние на площадях деньги – по сто-сто пятьдесят гривен в день. А если флаг держишь или плакат – то и триста.

В общем, можно было зарабатывать.

В те годы, начиная еще с оранжевого Майдана, митинги «протеста» на Украине стали способом заработать на жизнь. Работы не было, росли цены, коммуналка, как-то надо было выживать. Тем более, на Донбассе, где позакрывали много шахт. Вот так постепенно Иван Ермилов и стал самым настоящим «активистом». Втянулся в «политическую борьбу». Но втянулся на самом деле, не только потому, что деньги платили. Когда у человека нет цели, нет веры – а Иван не верил ни в Бога, ни в черта – когда нет в душе какого-то стержня, то шатается человек, ходит от одного берега к другому и ни к одному пристать не может.

Правда, Иван все же свой берег нашел. Внезапно вспомнил он, что родом из Ивана-Франковска. И хотя позабыл он украинский язык и разговаривал, как многие жители Луганщины, на суржике – смеси русского языка с украинскими словами, только внезапно ощутил он себя «щирым» украинцем. Патриотом Украины. Вступил в партию Олега Тягнибока «Свобода», и даже получил в местной луганской ячейке этой партии какую-то должность – то ли секретаря, то ли председателя. Короче, даже вполне русская – москальская – фамилия «Ермилов» не помешала Ивану вдруг осознать, что Россия – враг Украины. И хотя на Донбассе такие, скажем так, радикальные взгляды не особо приветствовались населением, жители Юбилейного особо не реагировали на появление украинского националиста в поселке. Посмеивались, мол, заигрался мужик на старости лет, седина в бороду – бес в ребро... Мол, кто в гречку скачет, по бабам шастает, а этот – в политику прыгнул...

И вот в 2013 году в Киеве начался Майдан. Начали с протестов против правительства, потом стали требовать снять президента Януковича... В общем, зрела нешуточная буча. В Луганске снова стали формировать отряды митингующих, только на этот раз собирали людей не на Майдан, а наоборот – на Антимайдан. Партия регионов, которая поддерживала президента и правительство, пыталась таким образом клин вышибить клином – не допустить повторения того, первого, оранжевого Майдана. Это когда Янукович не стал президентом в первый раз, а был вынужден уступить кресло этому хуторянину из Сум Ющенко. Поэтому автобусные колонны потянулись в Киев. Понятное дело, многие записались в митингующие не за идею – за деньги. Семьи-то кормить надо...

А вот Иван на Антимайдан не поехал. Хотя и платили. В Киев он поехал своим ходом. И очень скоро оказался... на Майдане. И не просто на Майдане – он стал командиром одной из сотен, в которой были члены радикальных националистических партий «Свобода», УНА-УНСО*, «Братство»* (политические партии в Украине, на самом деле - экстремистские организации, запрещенные в РФ). В общем, стал Иван Ермилов одним из тех самых активистов – без кавычек уже – которые уже готовы были с голыми руками идти и свергать власть в Украине.

Майдан

Впрочем, почему с голыми руками? На Майдане к декабрю уже появилось оружие – вначале палки и щиты, отобранные у киевского ОМОНа – отряда милиции специального назначения «Беркут», а потом и «коктейли Молотова» – бутылки с зажигательной смесью. Позже появилось и более серьезное оружие: вначале пистолеты-резинострелы, потом боевые «Макаровы», ну а потом «добрые люди» подвезли и ружья. Точнее, охотничьи карабины «Сайга» – те же «калаши», в принципе – и другие подобные им винтовки. Только иностранного производства. Пули у этих карабинов были серьезные, дыры в милицейских щитах, которые прошивали насквозь, оставляли внушительные. И уже сразу после Нового года, в первых числах января, после того, как на Майдане убили двоих протестующих – Нигояна и Жизневского, у майдановцев появились и автоматы Калашникова... АКМ и АКМС.

Иван впервые убил человека именно на Майдане. Правда, он не считал того молодого пацана в милицейской форме человеком. Когда испуганные разрывами светошумовых гранат, хмельные от собственной удали – как же, крушим камнями и «коктейлями Молотова» ментов, озверелые от крови – своей и чужой, подогретые не только спиртным, но и кое-чем покрепче, грязные, закопченные, но гордые своей «нэпэрэможностью» майдановцы выдернули из милицейской цепи несколько пацанов-срочников, то участь их была мгновенно решена – их просто стали рвать. Озверевшая толпа видела в этих мальчишках представителей ненавистной им власти. Власти, которую они ненавидели, но продолжали бояться. Потому что власть запросто могла их раздавить бронетранспортерами, раскатать водометами, раскидать все эти баррикады, направив на Майдан армейский спецназ, расстрелять зачинщиков снайперами, которые давным-давно держали центр Киева под прицелами своих винтовок.

Но власть ничего этого не делала. И митингующие давно уже не митинговали, а просто поселились на центральной площади украинской столицы. И день за днем убеждались в том, что это не они боятся власть – власть их боится. Но страх у них в душах все равно оставался. Вот поэтому майдановцы, чтобы убедить самих себя в собственном героизме, собственной крутости и собственной безопасности, терзали этих несчастных мальчишек в милицейской форме, которым не посчастливилось оказаться в этом месте в это время. Иван вместе со всеми бил в лицо одного из милиционеров, бил, пока лицо у того не превратилось в месиво, шматовал его форму, топтал, орал что-то неразборчивое на суржике... И даже не понимал, что дома у него остались вот такие же пацаны, два Сергея. И его сыновья могли бы сейчас носить точно такую же форму и служить этой же власти. Против которой он, Иван, сейчас выступает. И что эти пацаны, которых они сейчас на Майдане жгут и убивают, просто выполняют свой воинский долг. Исполняют присягу. Присягу украинскому народу, представители которого их сейчас убивают. Иван не понимал, что эти мальчишки в милицейской форме – такие же граждане Украины, как и он, как все те, кто собрался на Майдане, чтобы поменять власть. Хотя совсем недавно, на выборах они уже эту власть меняли. И прошло всего три года после этой смены...

...Тела двоих милиционеров, которых насмерть затоптала толпа протестующих против власти президента Януковича, отнесли куда-то за сцену Майдана. А на сцене украинские политики, которые сами совсем недавно были украинской властью, продолжали накручивать и разогревать толпу, науськивать ее на милицию, призывать убивать. И кто, кто призывал? Бывший министр экономики Украины Яценюк, бывший министр иностранных дел Украины Порошенко, бывший председатель СБУ Турчинов, бывший министр внутренних дел Луценко... Все бывшие, которые снова захотели стать настоящими...

И вот все эти бывшие понимали, что нужны не какие-то там протесты, митинги и демонстрации – нужна настоящая кровь. Вот только проливать ее должны были не они, а вот такие иваны...

...Иван Ермилов помнил только первого убитого им человека – того самого молодого милиционера, которому почти оторвали руку. Потом он как будто бы вышел из этого мира в какой-то другой, нереальный, где кровь и смерть казались ненастоящими, а взрывы и огонь – невзправдашними. А, может, это было оттого, что им раздали какие-то американские таблетки от усталости и сна, которые здорово помогли не свалиться с ног и наполняли тело какой-то легкостью и теплом? В общем, убивал Иван с такой же легкостью, не ощущая в душе ничего – ни раскаяния, ни сочувствия, ни жалости к тем, кого убивал.

«Все воны – вороги моего народу!» – повторял он про себя.

О том, что он может быть точно так же объявлен врагом своего народа, представителей которого он сейчас убивает, Иван не задумывался. Некогда было думать.

Война

...После победы Евромайдана «сотня» Ивана оставалась на Майдане Независимости, как, впрочем, и другие «сотни». Жили, как и раньше, огромным табором, жгли костры в железных бочках, самые ушлые притащили откуда-то электрогенераторы, поставили в палатках печки. Продукты подвозили регулярно, сотникам выдавали денежное довольствие, одежду, медикаменты. Чего ж не жить?

Про семью Иван уже как-то и забыл. Разве что иногда вспоминал младшенького, Ванечку. Но хотя у него была «мобила», выданная в «штабе», домой он не звонил. А зачем? Тут революция идет, а там что? Женская юбка?

А потом завертелось... В апреле новый президент Украины, точнее, исполняющий обязанности президента Турчинов послал на Луганщину войска. Вот только десантники на БМД-шках, которым дорогу преградили простые люди, не стали их давить. Не стали пацаны стрелять в мирное население, в своих сограждан, вина которых заключалась только в том, что они тоже ненавидели власть. Только власть не ту, которую свергли, а новую – ту, которая свергла власть законную. Ну, некоторые нацепили на себя не желто-голубые ленточки, а оранжево-черные. Вот и все было отличие – в цвете ленточек. Ну и, конечно, мысли – мысли тоже были другими. Но разве за это можно убивать? За ленточки не того цвета? Или за мысли не того оттенка?

Как оказалось – можно! И даже – нужно! Нужно той, новой власти Украины. Которая состояла из бывших, ставших настоящими. И чтобы показывать всем, что они – настоящие, не фальшивые, эти представители новой власти понимали – нужны настоящие жертвы. Нужна настоящая кровь. Как совсем недавно в Киеве, на Майдане, когда расстреляли почти сотню человек. И после этого бывшие моментально стали настоящими. Поэтому так надо и на мятежном Донбассе – кровь, смерть, страх!

Солдаты украинской армии не стали переступать через кровь. И офицеры не стали. Отказались нарушать присягу, которую они давали народу Украины. Потому что, присягая, они обещали защищать этот народ, а не уничтожать его...

И тогда бывшие, ставшие настоящими, решили устроить настоящую войну.

Гражданскую. Когда народ воюет сам с собой. Когда граждане одной страны убивают друг друга. Когда брат идет на брата, а отец – на сына...

В Киеве стали формировать так называемые «добровольческие» батальоны. Их еще называли почему-то батальонами территориальной обороны. Хотя, например, киевляне должны были ехать оборонять территорию Донецкой области. А тернопольчане ехали «защищать» Луганск. Точнее, «зачищать». А еще днепропетровцы, криворожане, львовяне... Все они внезапно стали «оборонять» территорию, которая была весьма далека от их собственных областей. Да и от кого оборонять? От жителей этой самой территории, которые не захотели подчиниться новой украинской власти? Так кого ж тогда оборонять ехать? Новую власть?

Да, именно поэтому непокорные жители Донбасса и прозвали эти батальоны карательными. Ведь, по сути, они ехали усмирять восставших против власти. Не защищать, а зачищать! Хотя три месяца назад бойцы этих самых «добровольческих» батальонов были точно такими же непокорными, которые восстали против той, старой украинской власти. И их самих точно так же усмиряли отряды милиции...

Хотя нет, не точно так же...

Милиционеры никого не убивали. И не насиловали. И не грабили...

...«Добровольческие» батальоны формировались в первую очередь из членов «сотен» Майдана. Из тех, кто, как говорится, уже почувствовал вкус крови. Кто уже готов был убивать. Кто понимал, что новая власть как бы выдает разрешение на убийства своих же сограждан. Их эта власть обозвала новым словом – «сепаратисты». А еще эта она придумала нового

врага – Россию. Которая якобы вторглась в Украину и желает ее поработить. А чтобы эту нелепицу вбить в головы как можно большему количеству граждан Украины, по всем телеканалам, во всех средствах массовой информации, теперь уже ставшими средствами массовой дезинформации, понеслась волна отвратительной пропаганды откровенно фашистского толка. Когда народ одной страны разделили на правых и неправых, на верных и неверных, на настоящих украинцев и ненастоящих. И их разделили те самые бывшие, которые внезапно стали настоящими.

А ведь эти бывшие сами еще полгода назад носили те самые оранжево-черные георгиевские ленточки, за которые теперь разрешали убивать одним украинцам других украинцев. И не «тот цвет» ленточек теперь заливали красным цветом – цветом крови. А кровь одинаково красила и оранжево-черный, и желто-голубой... Серый цвет пороха и белый цвет смерти одинаково хорошо ложился на эти такие разные ленточки, уравнивая в правах тех, кого сделали бесправными и правыми во всем...

Одинаково красной кровь была и у тех, и у этих...

... Батальон «Кривбас», в который влилась сотня Ивана Ермилова, состоял не только из радикалов «Свободы» и «Правого сектора», в который превратилась партия УНА-УНСО. Наоборот, в этом батальоне были, в основном, жители Кривого Рога, Днепропетровска, Краматорска и других городов Украины. И там в основном население говорило на русском языке. Так что когда этот батальон входил в города и поселки Донбасса, в которых жители даже не понимали, что происходит, то ничем эти бойцы от местных не отличались. Это же не немцы, которые оккупировали Донбасс в Великую Отечественную...

Очень скоро жители тех городов Донбасса, где не стали сопротивляться «освободителям» и «оборонщикам» их территорий, поняли, что да, не немцы. Потому что фашисты в ту войну так не лютовали, не зверствовали. А эти, вроде бы свои, украинцы, вытворяли такое... Эти добробаты», или, как называли их украинские пропагандисты, считавшие себя журналистами, «воины света и добра», «творили» добро так, как они это понимали.

Грабили, убивали, насиловали.

И почти каждую неделю отправляли караваны на «отжатых» у «сепаров» автомашинах с награбленным добром в «свои» города. Причем, не только в Кривой Рог или Днепропетровск, а больше в Тернополь, Ивано-Франковск, Коломыю...

А как издевались, как глумились, как пытали...

Такого не ожидал никто на Донбассе.

На то и был расчет.

И народ Донбасса поднялся...

Вот только российские войска почему-то так и не показали по украинским телеканалам. Новый президент Украины Порошенко, правда, размахивал где-то в зарубежной поездке российскими паспортами, якобы изъятыми у российских военных. Тех, которые, по его словам, вторглись в Украину. Вот только, видимо, подкладывая президенту эти липовые паспорта, не доложили, что у военных паспортов нет и быть не может. У них только военные билеты и офицерские удостоверения. А паспорта лежат в военкоматах, откуда их призывали в армию.

...Иван был командиром взвода. И хотя в армии он не служил, но какой мужик откажется поиграться войнушку? Автомат дали, да еще с подствольником, форму нацепил, имеет право зайти в любую хату, положить «сепаров» мордой в пол, обшманать, а что понравится – забрать себе. А если баба какая приглянется, ну, так по законам военного времени...

Но не все было гладко. Местные не стали покорно терпеть, взяли за оружие. Вначале, как и на Майдане, были палки, пистолеты-резинострелы, охотничьи берданки... А потом... Потом подул «северный ветер», пошла через границу техника... Да и местные мобрезервы вскрыли, которые еще с войны были заложены. Вначале даже ППШ и ППС достали, ну а потом старые добрые АКМы и ПКМы пошли в ход.

И стали все эти украинские «батальоны территориальной обороны» потихоньку откатываться на свою территорию...

Сопротивление

...Семья Ермиловых жила, что до Майдана, что после Майдана, своей жизнью. Политика их особо не коснулась. Мать работала в совхозе, хотя коров было уже меньше, да и платить почти перестали. Но было молоко, масло, были продукты, огород выручал, одним словом, в поселке, как и в селе, прожить было можно. Сыновья, оба Сергея, подросли. Один Сергей, который рыжий, закончил свой Восточноукраинский национальный университет, но так и не смог устроиться работать по специальности. Археология давно никого не интересовала, разве что только «черные археологи» всю выкапывали из земли оружие и разные другие «осколки войны», потом «толкали» все это на черном же рынке. А идти преподавать в школу историю – на смешные деньги? Пять тысяч гривен получали уже опытные преподаватели, а ему, вчерашнему студенту предлагали только три... Разве ж это деньги для молодого мужика?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.